

Домой

Во сне я еду домой.
Куда? Где мой дом?
Там, где медленная зола
падает на лицо
и белым-бело.

Я забыла, откуда поезд,
куда идёт,
у кого спросить, сколько лет,
сколько лет мне должно
быть?

Машиниста нет, нет проводника.
Поезд жизни —
некому оторвать билет.

Хрупкость человеческого стекла —
что острее осколков его?
По оголённым рукам,
по голым рукам течёт.

Нет ориентиров, кроме любви твоей.
Облака, облака.
На заброшенном полустанке
стоишь и ждёшь
одна. Как тень от креста.
Как крест.

К пеплу

Мы в ночь. Мы абрисы из пепла
верхом на призрачных конях.
Гнедые никуда, ни с места,
а только плачут и горят.

Хлестать коней и видеть шрамы,
и черпать от пустого дна.
Там за спиной — одни утраты.
Плыть, но куда? — кругом зола.

И наши мёртвые повсюду —
в деревьях, в праздниках, в цветах.
От смерти не даёт очнуться
им тот же пепел на устах.

А хлынет свет, постой: как трудно,
когда уходит ночь из глаз.
И вместо сердца гаснет уголь
и рассыпается тотчас.

Если бы мы были цыгане

Я всего лишь парус,
тонка парусина — рвётся.
Никого на палубе,
никого за штурвалом.

Если бы мы были цыгане
со свистульками,
алым подолом,
мы бы гуляли табором (разве двое не табор?).

Он шрам бы носил и оспины,
она бы была женою.

Но цыгане сторели в печах,
в нас не оставили крови.
Их ножи переплавили.
Их волосы развеяли по ветру.

Я, ромалэ, лишь парус —
никого на палубе.
Никого за штурвалом.

Элегия цветущих слив

Это не мой дом. И немой сад.
Ты стоишь у ворот,
потому что искал меня.

Я сливы любила в нём,
если была весна.
И если осень была
до самых тонких волокон.

Ты пришёл их срубить —
чтобы вытравить яд
воспоминания,
что же, развейся, прах!

А за твоим плечом
краска с икон сошла.
Не Богородица —
дама небытия.

Поздно кричать: «Рублёв!»
Мастер как мотылёк.
Вот она, казнь твоя
или твоя жена.

Будешь расти к земле.
Бледную вспомнишь мать.
В каждой раздаче червь.
Бросишь колоду карт.

Нет больше слив в саду.
Мне всё одно — я снег.
Мёртвой или живой
я на тебя паду.

Будто ты повела меня в храм

Будто ты повела меня в храм,
как водят полоумных или детей — целовать
зацелованного Христа.
Где просвира, а где алтарь — мне одно.

Будто храм, собранный из костей,
почерневших от времени, — кость к кости,
ящеров или рыб, и шипы хрящей
рвутся ввысь, равновесие обрести.

Мы вошли в него посидеть на пустой скамье,
было холодно и темно.
Всё написано или почти что — всё.
Верь или не верь свечам.

Знала я, к сорока годам все покинут меня,
загустеет кровь. До последнего дня
будешь ты со мной, ты одна —
храм ли это или слепой огонь.

Цветок отчаяния

Нет. Лучше молчание.
Цветок отчаяния на губах.
Не печалься,
хотя бы раз
каждому
выпадает
тропинка к дому,
занесённому тишиной.

Мы вернёмся
ненадолго.
Дождь ударит о подоконник,
и два мака
воспоминаний
вздрагнут
в прозрачных каплях.

Столько света.
Загорятся потухшие лампы,
и никто за столом
не признает, где живые,
где мёртвые.

Нам отпущен
единственный день —
повидаться.
Так откроем шампанское.
Все уходят,
журавли смотрят в небо,
блекнет наш циферблат.

Куст желаний,
оборвал ветер ленточки,
и с тех пор

не страшна
темнота надо мной.

Пусть моё отражение
в глазах твоих остаётся,
иероглиф,
покуда совсем не исчезнет.

Зеркало

Я шла вперёд, дороги не было иной.
Нас с прошлым разделяли двери:
старела мать,
и дерево сгорело, и что-то там ещё
в груди больной.
Шла нищенка повсюду следом
с огромным животом, как шар земной,
и денег не брала, и песнь не пела.
Любовник ли бессменный,
как труженик, клонился над наделом,
бессонницей ль звенело тело —
мелькал пробор, укрытый сединой.
Её присутствию не было предела.
У зеркала спросила я:
«Что хочешь ты, ничтожная?» —
и была зеркало за то, что было мной.
Но в каждом из подробнейших осколков
она жила и сквозь меня глядела.